

П

ОТом многие говорили, что такого успеха не выпадало на долю ни одной труппы, выступавшей на сцене Багдадского национального театра. Уже первая танцевальная сюита — плавная, лирическая «Набия» — была тепло встречена зрителями. Стремительная «Хэйла», которую танцоры исполнили в белых национальных одеждах «едишада», а танцовщицы — в красных платях и черных, вытканых золотом накидах работы басрийских мастеров, была встречена аплодисментами. А когда танцоры с национальным знаменем в руках исполнили патристический номер «Родина», грянула такая опация, что, кажется, дрогнули театральные стены. «Алмас-заде! Алмас-заде!», — скандировал зал. Стройная женщина с большими темными глазами вышла на сцену — цветы, как яркий многокрасочный дождь, сыпались к ее ногам.

ПОЛПРЕД СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

преподавала в Бакинском хореографическом училище... В иракском Министерстве культуры считали иначе и открыто предупреждали о трудностях: арабские национальные танцы никогда никем не изучались, программы, даже примерной, нет, кроме того, уважаемой гостье, вероятно, придется быть не просто педагогом, но и воспитателем, пропагандистом. «Я подготовлю программу, а вы, пожалуйста, оборудуйте здание школы, дайте объявление о приеме по телевидению, по радио», — сказала Гамэр. Когда в назначенный день она пришла в школу, ее ожидало около полусотни смуглых подростков, желающих изучать танцевальное мастерство.

— А где же девочки?
— Девочки? — удивился нанятый школой старик-музыкант. — Но кто решится добровольно отдать свою дочь в артистки?

Алмас-заде забыла о том, что она не дома, а в стране, которая лишь несколько лет назад завоевала независимость, где еще так сильны старые взгляды, представления, привычки. Пришлось, отменив занятия, ехать в женские школы, в детские дома. Беседовать с десятками, сотнями девочек-подростков — искать и находить тех, кто влюблен в музыку, понимает и ценит красоту танца. Кандидаток было много, но как привлечь их в ансамбль?

ГОСТЬЯ ИЗ СТРАНЫ БОЛЬШОГО БАЛЕТА

— Лейла, хочешь учиться танцевать?

— Хочу.
— Записывайся в наш ансамбль. Будешь выступать в театре.

Молчание.
— Ну, что же ты?
Молчание. Потом — перешептывание:

— Ничего не выйдет. Родители не позволят.
— Но почему? Хочешь, я поговорю с твоей мамой?

— Не позволят. Аллах запрещает женщине выступать на сцене...

Гамэр не жалела времени и сил — посещала новые жилые кварталы, входила, пригнувшись, в низкие глиняные хижины крестьян, читала родителям девочек-кандидаток целые лекции об искусстве, рассказывала им о себе: она ведь тоже родилась и выросла на Востоке, а вот стала артисткой, первой балериной азербайджанкой, и нашла свое счастье в этой профессии. Она главный балетмейстер Азербайджанского государственного театра оперы и балета, правительство удостоило ее многих наград, высокого звания народной артистки СССР. Разве ее слушательницы не хотели бы для своих дочерей схожей судьбы? Женщины в черных одеждах слушали ее молча, с суровыми лицами, некоторые вежливо говорили: «Если уважаемая гостья этого хочет, что ж, мы можем отпустить девочку на месяц-другой...

Но, пусть простит гостья, кто поверит, что обыкновенный танец может быть профессией, угодной аллаху?». Все же ей удалось набрать группу из двенадцати девочек.

Наконец приступили к занятиям — и тут Гамэр убедилась, что ее долгая и тщательная работа по отбору кандидатов не пропала даром: юные танцоры и танцовщицы осваивали программу увлеченно, весело, легко. Гамэр и раньше не раз слышала о том, что иракцы — очень музыкальный народ, тонко чувствующий красоту песни, ритмику танца, но теперь она воочию видела, как быстро расцветает собранное ею со звездные юных талантов. А ученицы и ученицы в свою очередь не переставали удивляться: откуда уважаемая Алмас-заде так хорошо знает арабские и курдские национальные танцы и песни?

— О, я ведь немало поупражнялась по вашей стране, — улыбаясь в ответ Гамэр. — И не одна, а со своим верным другом-киноаппаратом...

В перерывах между занятиями она рассказывала ученикам о своих поездках по Ираку — это была как бы первая, вводная страница в книге, повествующей о создании иракского национального танцевального ансамбля. Где только не пришлось побывать советской гостье — и в горах, и в пустынях. Она летала на

вертолете, пробираясь на терпеливом шоколадном ослике по обрывистым горным тропам, спускалась на лодке по Евфрату в отдаленные селения. Конечно, эти путешествия были нелегкими — но зато какой богатый материал собран! Гамэр видела на юге замечательный арабский танец, в Басре она снимала на пленку молодецких танец «Хэйла», в горах Курдистана любовалась стремительным «Шейхане»... Потом из этих и многих других народных танцев и мелодий было отобрано все наиболее яркое, самобытное — так составила программа будущего ансамбля. Не удивительно, что эта программа так нравилась молодым артистам. Не удивительно и то, что у здания балетной школы с утра и до позднего вечера толпится народ: люди заглядывают в окна, приветливо машут руками, улыбаются, словом, всячески выражают свое одобрение...

Не знала, не догадывалась Алмас, сколько огорчений и тревог принесут ей эти распахнутые настеньки окна. Но однажды, придя на занятия, она не обнаружила в зале курдючную Лейлу — главную звезду будущего ансамбля и двух ее подруг.

— Где Лейла?

Старик-музыкант сокрушенно покачал головой.
— Мать видела ее в окне: мы в тот день репетировали «Чабию», там танцоры и тан-

цовщицы держатся за руки. Мать пришла в ужас и немедленно забрала дочь из общегития, увезла ее из Багдада замаливать грехи. А следом пришли за дочерьми еще две женщины...

И снова Алмас, поплавав в глухом уголке сада, чтобы никто, не дай бог, не увидел ее слез, прерывает занятие и спешит по раскаленной полуденным солнцем дороге в далекий, затерянный в песках городок, где живет теперь ее любовь — курдючная Лейла. И снова она час, и другой, и третий беседует с матерью Лейлы, рисует ей будущее дочери. Иная, новая жизнь строится сейчас в свободной стране — и в этой жизни люди искусства по праву занимают уважаемое и почетное место. Вот и Лейла, чей талант несомненно, может стать известной артисткой, она будет нести красоту и радость тысячам зрителей...

Наконец коллектив будущего ансамбля снова в сборе, занятия продолжают: «Лейла, в позицию! Рита, не так резко! Мохаммед, быстрее!», Алмас-заде работает самозабвенно, она старается передать ученикам все свои знания, талант — и в этой увлеченности главный ключ успехов, которых так быстро добивается будущий ансамбль. Занятия длятся с утра до сумерек, а потом, вернувшись домой, Гамэр вновь, в который уже раз, включает киноаппарат: изучает матери-

ал, снятый во время поездок по стране, улучшает рисунок танцев, совершенствует программу. Багдадские газеты уже объявили о предстоящем выступлении первого в стране национального ансамбля, и в эти последние дни надо сделать все, чтобы каждый номер был отшлифован, как говорится, до зеркального блеска.

Все это напоминает Алмас-заде Гамэр сейчас, когда она стоит на сцене, и цветы со всех сторон падают к ее ногам. Артистка вглядывается в бушующий овацией зал — как много друзей появилось у нее за два года работы в Багдаде! Вот в ложе министр культуры, который когда-то первым приветствовал ее на иракской земле, вот арабские артисты, с которыми она разрабатывала программу своих поездок по стране, дипломаты из советского посольства, которые так помогли ей своими советами, журналисты, музыканты... Но что это? Какая-то высокая женщина в черном, смуглая, с суровым лицом, поднимается на сцену. Это мать Лейлы, старая Баха. Она подходит к Гамэр и, обняв ее, целует, а впереди, как рокот моря, катятся и катятся волны аплодисментов.

— Спасибо! — говорит Баха. — Спасибо тебе, дорогая гостья из Советской страны!

Ю. КОРНИЛОВ.
БАГДАД—МОСКВА.

СОВЕТСКИЙ РАБОТНИК
Г. МОСКВА
12 ЯНВ 1976